

Репатриация перемещённых советских граждан

В. Н. Земсков*

Вопрос о возвращении на Родину советских военнопленных, насильно угнанных в Германию граждан СССР, и беженцев является одним из наименее изученных в исторической литературе. Вплоть до конца 1980-х гг. документация по этому вопросу в нашей стране была засекречена. Отсутствие источниковой базы и, соответственно, объективной информации породило вокруг него много мифов. Это относится к ряду публикаций, издававшихся как на Западе, так и в нашей стране. Нередко можно встретить тенденциозный подбор фактов и предвзятое их толкование.

В настоящее время исследователи получили доступ к ранее закрытым источникам, среди которых особое место занимает документация образованного в октябре 1944 г. Управления уполномоченного Совета Народных Комиссаров (Совета Министров) СССР по делам репатриации (это ведомство возглавлял генерал-полковник Ф. И. Голиков, бывший руководитель военной разведки). Эти материалы и послужили основным источником для автора. Кроме того, использованы документы Государственного Комитета Обороны (ГКО), Управления делами СНК (Совета Министров) СССР, Секретариата НКВД/МВД СССР, ГУЛАГа, Отдела проверочно-фильтрационных лагерей НКВД СССР, Отдела спецпоселений НКВД/МВД СССР, 9-го управления МГБ СССР, Главного управления по борьбе с бандитизмом НКВД/МВД СССР.

Первой научной публикацией, основанной на материалах ранее закрытых архивных фондов, стала вышедшая в 1990 г. моя статья в журнале «История СССР». В последующие годы мной опубликован еще ряд статей. Активно подключились к изучению этой проблемы и другие исследователи — вышли в свет монография П. М. Поляна, статьи А. А. Шевякова и др. В освещении проблемы репатриации советских перемещенных лиц многое зависит от ее

видения самими авторами. Например, А. А. Шевяков и П. М. Полян в концептуальном плане являются антиподами: у первого присутствует апологетика политики руководства СССР, второй, напротив, склонен квалифицировать обязательную репатриацию как гуманитарное преступление. Шевяков рассматривает проблему с позиций советского государственника, а Полян — больше с позиций правозащитника. Оба критически относятся к политике англичан и американцев в этом вопросе, но с диаметрально противоположных позиций: Полян считает, что они слишком много передали советским властям перемещенных лиц, которые не хотели возвращаться в СССР; по мнению Шевякова, англо-американцы не всех таковых выдали и тем самым допустили образование новой антисоветской эмиграции.

С моей же точки зрения, хотя во всей истории с репатриацией советских перемещенных лиц имели место элементы и насилия, и нарушения прав человека, и гуманитарного преступления, все же во главу угла следует поставить совсем другое. В своей основе, несмотря на все издержки, это была естественная и волнующая эпопея обретения Родины миллионами людей, насильственно лишенных ее чужеземными завоевателями.

Рассматриваемая проблема является сложной и противоречивой. Она имеет много аспектов, и осветить все их в рамках одной статьи невозможно даже в самой лаконичной форме. Поэтому остановимся на главных.

Ведомство, возглавляемое Ф. И. Голиковым, установило, что к концу войны осталось в живых около 5 млн. советских граждан, оказавшихся за пределами Родины, из них свыше 3 млн. находились в зоне действия союзников (Западная Германия, Франция, Италия и др.) и менее 2 млн. — в зоне действия Красной Армии за границей (Восточная

* Виктор Николаевич Земсков — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН.

Германия, Польша, Чехословакия и другие страны). Большинство из них составляли «восточные рабочие» («остарбайтер»), т.е. советское гражданское население, угнанное на принудительные работы в Германию и другие страны¹. Уцелело также примерно 1,7 млн. военнопленных, включая поступивших на военную или полицейскую службу к противнику². Сюда же входили сотни тысяч отступивших с немцами из СССР их пособников и всякого рода беженцев (часто с семьями)³.

Из документов ведомства Ф. И. Голикова можно заключить, что осенью 1944 г. советское руководство было обеспокоено сообщениями из англо-американских источников о том, что большинство советских военнопленных будто бы враждебно настроено к Советскому правительству и не желает возвращаться в Советский Союз. Достоверность этой информации была сомнительной. В дальнейшем из различных источников, в том числе по линии внешней и военной разведок, были получены подтверждения, что основная масса советских военнопленных и интернированных гражданских лиц желает возвратиться на Родину, несмотря на идеологическую обработку со стороны геббельсовской и власовской пропаганды. Ей не удалось привить чувство ненависти ни к советской власти, ни к англо-американским «плутократам». В среде находившихся в неволе советских граждан с удовлетворением воспринимались известия о победах Красной Армии и англо-американских войск. В то же время этих людей беспокоила вероятность того, что в случае возвращения в СССР у них могут быть неприятности по фактам расследования жизни и деятельности за границей, обстоятельств сдачи в плен и т.д. Но больше всего их волновала другая проблема: зная о негативном и подозрительном отношении Советского правительства к людям, побывавшим за рубежом, они сомневались, что им разрешат вернуться на Родину.

Практика показала, что эти опасения оказались напрасными. Советское правительство было заинтересовано в возвращении перемещенных лиц, причем всех без исключения, невзирая на желание части этих людей остаться на Западе. Репатриация была обязательной, о чем Сталин, Рузвельт и Черчилль договорились в Ялте на встрече в феврале 1945 года. Это дало повод называть в различных публикациях советских перемещенных лиц «жертвами Ялты», а Рузвельта и Черчилля — соучастниками «преступника» Сталина. Но ведь тогда не вызывало никаких сомнений, что если кто и будет уклоняться от репатриации, то это прежде всего коллаборационисты. До осени 1945 г. настроение в английском и американском обществе было таково, что любой политик, покрывающий коллаборационистов (петэновцев, квислингговцев, власовцев и т.п.), сильно рисковал своей репутацией. Черчилль и Рузвельт просто не могли поступить иначе.

Однако со временем отношения между бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции стали охлаждаться. Советские перемещенные лица, желающие найти убежище на Западе, постепенно трансформировались в сознании англичан и американцев из «квислингговцев» в «борцов против коммунизма». Руководители западных стран получили возможность, не рискуя вызвать гнев общественности, предоставлять им статус политических беженцев.

В СССР и на Западе были противоположные представления о праве человека на свободу выбора подданства. Если в США и Великобритании это право, безусловно, признавалось и было зафиксировано в законодательстве, то по законам СССР (что было внедрено в сознание населения) стремление сменить подданство или выражение эмигрантских настроений входило в перечень политических преступлений (ст. 58 тогдашнего Уголовного кодекса РСФСР) вкупе со шпионажем, антисоветскими заговорами, вредительством, контрреволюционной агитацией и т.д. Естественный в западном мире подход к этой проблеме расценивался политическим руководством СССР как чуждый, враждебный и даже непонятный. Это было одним из следствий сложившегося в СССР политического режима, закрытости страны («железный занавес»). И в законодательстве СССР, и в общественном сознании его граждан трансформация понятия «свобода выбора страны обитания» из политического преступления в неотъемлемое право человека произошла только в конце 1980 — начале 1990-х годов. И не случайно эта трансформация шла одновременно с кризисом тоталитаризма, рождением многопартийной системы и интеграцией в мировое сообщество.

Безусловно, идя навстречу до осени 1945 г. советской стороне в вопросе об обязательной репатриации, англо-американское руководство преследовало и ряд своих практических целей. В частности, оно хотело, чтобы СССР вступил на их стороне в войну с Японией, и старалось лишней раз не раздражать Сталина, в том числе и в отношении советских перемещенных лиц. К тому же оно стремилось не давать повод Советскому Союзу для задержки у себя американских и английских военнослужащих, освобожденных из немецкого плена Красной Армией⁴. Это были весьма веские причины, чтобы временно поступиться собственными принципами.

Обязательность репатриации не следует понимать так, что чуть ли не все советские граждане были возвращены в СССР вопреки их желанию. Опираясь на многочисленные свидетельства (в частности, на такой массовый источник, как опросные листы и объяснительные записки репатриантов, а также донесения агентов и осведомителей НКВД о настроениях в лагерях перемещенных лиц), можно смело утверждать, что не менее 80% «восточников», т.е. жителей СССР в границах до 17 сентября 1939 г., в случае добровольности репатриации

все равно возвратились бы в СССР. Что касается «западников», т.е. жителей Прибалтики, Западной Украины, Западной Белоруссии, Правобережной Молдавии и Северной Буковины, то они существенно отличались от «восточников» по менталитету, морально-психологическому настрою, политическим и ценностным ориентирам, и в их среде действительно преобладали невозвращенцы. Те из них, кто оказался в зоне действий Красной Армии, были насильственно возвращены в СССР. «Западников», оказавшихся в западных зонах, англо-американцы с самого начала освободили от обязательной репатриации: они передали советским властям только тех из них, которые сами этого хотели⁵.

Во время войны с Германией и в первые месяцы после ее окончания англо-американцы насильственно передавали Советскому Союзу «восточников»-невозвращенцев (преимущественно коллаборационистов), но с сентября–октября 1945 г. стали распространять принцип добровольности репатриации и на «восточников», окончательно следуя ему с началом холодной войны⁶.

По нашему мнению, если бы репатриация была добровольной, то численность советских граждан, не возвратившихся в СССР, составила бы не около 0,5 млн., а вероятно, вряд ли больше 1 млн. человек.

Следует отметить, что почти 0,5 млн. — это предельно допустимая норма выходцев из СССР, которых Запад мог тогда принять у себя. Многократное превышение этой нормы было чревато серьезными социальными эксцессами в западном мире, чего руководители ведущих западных стран допустить не могли. Нельзя забывать, что Запад создавал свою цивилизацию для себя, а не для тех, кто проживал в чужом для него геополитическом пространстве, называвшемся тогда Советским Союзом. Выходцы из СССР к тому же рассматривались как лица, воспитывавшиеся в духе советской идеологии, и потому считались человеческим материалом, недостаточно пригодным для ассимиляции в западном мире. Еще в конце 1940-х годов в лагерях для перемещенных лиц в Германии, Австрии и в других странах продолжали находиться тысячи бывших подданных СССР, которые не могли устроить свою жизнь на Западе. Их отказывались принять даже такие страны, в которых имелся резервный земельный фонд для дополнительного расселения (Канада, Австралия, Аргентина и другие). По нашему мнению, возвращение перемещенных лиц в СССР, пусть даже посредством насильственной репатриации, было наилучшим для них выходом. В противном случае Западу пришлось бы избавляться от советских перемещенных лиц каким-то иным способом. Хотя обязательность репатриации и представляла собой нарушение такого права человека, как свобода выбора страны обитания, но без этого практически невозможно было обойтись даже при каком-то ином решении проблемы советских перемещенных лиц.

Массовая передача союзниками весной и летом 1945 г. советских граждан-«восточников» отнюдь не означала, что они никого из них не оставляли у себя. Уже в августе 1945 г. Управление уполномоченного СНК СССР по делам репатриации располагало сведениями, что в лагерях перемещенных лиц американские и английские службы развернули «охоту за умами». Из числа «восточников» отбирались профессора, доценты, доктора и кандидаты наук, конструкторы, технологи, инженеры и другие специалисты, с которыми велась определенная работа с целью склонить их к отказу от возвращения в СССР. Это происходило одновременно с насильственной передачей в руки НКВД власовцев, национальных легионеров и других, которые в массе своей имели начальное или неполное среднее школьное образование и, следовательно, были не способны усилить интеллектуальный потенциал западного мира.

Репатриация была обязательной только для советских граждан⁷. На всех прочих лиц российского происхождения (белогвардейцы и другие) она не распространялась. В основном это правило соблюдалось, но имели место и исключения. Самым значительным из них была выдача англичанами Советскому Союзу казачьей армии атамана Краснова, состоявшей преимущественно из белогвардейцев. Эти казаки по целому ряду параметров попадали под категорию репатриантов, подлежащих аресту и суду, в частности за участие в карательных экспедициях на территории СССР, Югославии и Италии⁸.

В начале ноября 1944 г. Ф. И. Голиков дал интервью корреспонденту ТАСС, в котором была изложена политика Советского правительства по вопросам репатриации советских граждан. В нем, в частности, говорилось:

«...Люди, враждебно настроенные к Советскому государству, пытаются обманом, провокацией и т.п. отравить сознание наших граждан и заставить их поверить чудовищной лжи, будто бы Советская Родина забыла их, отеклась от них и не считает их больше советскими гражданами. Эти люди запугивают наших соотечественников тем, что в случае возвращения их на Родину они будто бы подвергнутся репрессиям. Излишне опровергать такие нелепости. Советская страна помнит и заботится о своих гражданах, попавших в немецкое рабство. Они будут приняты дома, как сыны Родины. В советских кругах считают, что даже те из советских граждан, которые под германским насилием и террором совершили действия, противные интересам СССР, не будут привлечены к ответственности, если они станут честно выполнять свой долг по возвращении на Родину».

Интервью Ф. И. Голикова впоследствии использовалось как официальное обращение правительства СССР к военнопленным и интернированным гражданам. Оно с удовлетворением воспринималось перемещенными лицами, хотя полностью не устраняло мучивших их мыслей. В частности,

не было ясности в вопросе о вине военнопленных за то, что они попали в плен. Хотя привлечение к уголовной ответственности за это не было отменено, но на практике применялось очень редко. Окончательно эта проблема была решена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 июля 1945 г. «Об амнистии в связи с победой над гитлеровской Германией». В соответствии с этим Указом военнослужащие объявлялись неподсудными, если оказывались в плену⁹.

Несостоятельна легенда о том, что почти все репатрианты якобы были репрессированы. Мы признаем, что судьба десятков тысяч советских перемещенных лиц (особенно офицеров) сложилась трагически. Однако большинство репатриантов избежало арестов. Даже многие прямые пособники фашистов были удивлены тем, что в СССР с ними обошлись далеко не так жестоко, как они ожидали.

Приведем характерный пример. Летом 1944 г. при наступлении англо-американских войск во Франции к ним попадало в плен большое количество немецких солдат и офицеров, которых обычно направляли в лагеря на территории Англии. Вскоре выяснилось, что часть этих пленных не понимает по-немецки и что это, оказывается, бывшие советские военнослужащие, попавшие в немецкий плен и поступившие затем на службу в немецкую армию. По статье 193 тогдашнего Уголовного кодекса РСФСР за переход военнослужащих на сторону противника в военное время предусматривалось только одно наказание — смертная казнь с конфискацией имущества. Англичане знали об этом, тем не менее поставили в известность Москву об этих лицах и попросили забрать их в СССР. 31 октября 1944 г. 9907 репатриантов на двух английских кораблях были направлены в Мурманск, куда они прибыли 6 ноября. Среди них высказывались предположения, что их расстреляют сразу же на мурманской пристани. Однако официальные представители объяснили, что Советское правительство их простило и что они не только не будут расстреляны, но и вообще освобождаются от привлечения к уголовной ответственности за измену Родине. Больше года эти люди проходили проверку в спецлагере НКВД, а затем были направлены на 6-летнее спецпоселение. В 1952 г. большинство из них было освобождено, причем в их анкетах не значилось никакой судимости, а время работы на спецпоселении было зачтено в трудовой стаж.

Советское руководство беспокоил сам факт наличия в руках союзников большого количества советских граждан. Еще сильнее оно опасалось того, что англичане и американцы могут предоставить им (или какой-то их части) статус политических беженцев и, хуже того, использовать впоследствии в антисоветских целях. Исходя из этого, а также чтобы перемещенные лица не боялись возвращения в СССР, советское руководство (во многом

вразрез со своими прежними принципами) пошло на значительную либерализацию своей политики в отношении военнопленных и интернированных гражданских лиц, вплоть до обещания непривлечения к уголовной ответственности тех из них, кто поступил на военную службу к противнику¹⁰. При этом подразумевалось, что эти последние совершили действия, противные интересам СССР, в результате германского насилия и террора. Это относилось и к упомянутым выше лицам, прибывшим 6 ноября 1944 г. в Мурманск, так как было известно, что они в массе своей поступили на военную службу к противнику, не выдержав пытки голодом и жестокого режима в гитлеровских лагерях.

Основная масса репатриантов проходила проверку и фильтрацию во фронтовых и армейских лагерях и сборно-пересыльных пунктах (СПП) Наркомата обороны (НКО) и проверочно-фильтрационных пунктах (ПФП) НКВД, часть военнопленных — в запасных воинских частях. Выявленные преступные элементы и «внушавшие подозрение» обычно направлялись для более тщательной проверки в спецлагеря НКВД, переименованные в феврале 1945 г. в проверочно-фильтрационные лагеря (ПФЛ) НКВД, а также в исправительно-трудовые лагеря (ИТЛ) ГУЛАГа. Лица, проходившие проверку и фильтрацию в лагерях, СПП и запасных частях НКО и ПФП НКВД, в отличие от направленных в ПФЛ и ИТЛ, не являлись спецконтингентом НКВД. Большинство репатриантов, переданных в распоряжение НКВД (спецконтингент¹¹), составляли лица, запятнавшие себя прямым сотрудничеством с чужеземными завоевателями и подлежавшие по закону за переход на сторону противника в военное время самому суровому наказанию, вплоть до смертной казни. Однако на практике их чаще направляли на спецпоселение на 6 лет и не привлекали к уголовной ответственности.

Согласно инструкциям, имевшимся у начальников ПФЛ и других проверочных органов, из числа репатриантов подлежали аресту и суду следующие лица: руководящий и командный состав органов полиции, «народной стражи», «народной милиции», «русской освободительной армии», национальных легионов и других подобных организаций; рядовые полицейские и рядовые участники перечисленных организаций, принимавшие участие в карательных экспедициях или проявлявшие активность при исполнении обязанностей; бывшие военнослужащие Красной Армии, добровольно перешедшие на сторону противника; бургомистры, крупные фашистские чиновники, сотрудники гестапо и других немецких карательных и разведывательных органов; сельские старосты, являвшиеся активными пособниками оккупантов.

22 мая 1945 г. ГКО принял постановление, устанавливавшее 10-дневный срок регистрации и проверки гражданских репатриантов и отправки

их по месту жительства. Практика показала, что этот срок оказался нереальным, и они находились в лагерях и СПП, как правило, 1–2 месяца и даже дольше. К 30 мая 1945 г. лагеря и СПП могли вмещать в общей сложности до 1,3 млн. человек. Никакой разницы между лагерями и СПП не было. В данном случае термин «лагерь» означал не место заключения, а *сборный пункт*, равно как и СПП. Большинство этих сборных пунктов находилось за границей (в Германии, Австрии, Польше, Румынии и других странах).

Создание сети лагерей и СПП диктовалось не только необходимостью тщательной проверки перемещенных лиц и выявлением в их среде преступных элементов, но и рядом других причин. Сосредоточение в сборных пунктах распыленных чуть ли не по всей Европе масс перемещенных лиц значительно облегчало задачу поставки их на централизованное продовольственное снабжение (репатрианты от момента поступления в лагерь и СПП до прибытия на место жительства получали паек, соответствующий нормам питания личного состава тыловых частей Красной Армии).

До августа 1945 г. часть репатриантов проживала на частных квартирах вблизи СПП и лагерей, но характер их взаимоотношений с местными жителями вынудил направить их в лагерь и СПП, дабы уберечь от соблазна устраивать самосуды над местным немецким, австрийским и другим населением. С медицинской точки зрения предварительная изоляция репатриантов перед отправкой в СССР была совершенно необходима, так как в их среде были распространены различные инфекционные заболевания, причем удручающе много было зараженных гонореей и сифилисом. В лагерях и СПП работало достаточное количество венерологов, гинекологов, терапевтов и других специалистов. В числе главных причин создания сети сборных пунктов в виде лагерей и СПП было стремление придать процессу репатриации организованные формы, не допустить анархии в этом деле.

По статистике ведомства Ф. И. Голикова, к 1 марта 1946 г. было репатрировано 5 352 963 советских гражданина (3 527 189 гражданских и 1 825 774 военнопленных). Однако из этого числа следует вычесть 1 153 475 человек (867 176 гражданских и 286 299 военнопленных), которые фактически не являлись репатриантами, так как не были за границей¹². Их правильнее называть внутренними перемещенными лицами (имеется в виду перемещение внутри СССР). Среди них преобладали «восточники», которых во время войны по разным причинам судьба забросила в Прибалтику, Западную Украину, Западную Белоруссию и другие западные районы СССР. 831 951 внутреннее перемещенное лицо (165 644 мужчины, 353 043 женщины и 313 264 детей) было направлено к месту жительства (831 635 гражданских и 316 военнопленных), 254 773 — призвано

в армию (26 705 гражданских и 228 068 военнопленных) и 66 751 — спецконтингент НКВД (8836 гражданских и 57 915 военнопленных).

Надо сказать, что в период немецкой оккупации внутренние перемещенные лица являлись объектом безжалостной эксплуатации не только со стороны гитлеровцев, но в ряде случаев и со стороны зажиточных слоев местного «западнического» населения. Например, в донесении политпросветотдела Управления уполномоченного СНК СССР по делам репатриации от 28 ноября 1944 г. на имя Ф. И. Голикова говорилось: «В Литве много советских граждан из Ленинградской области, насильно вывезенных немцами, работали у кулаков. „Хозяева“ более года не оплачивали труд и сейчас платить отказываются». В Литве, Латвии и Эстонии было учтено 283 407 внутренних перемещенных лиц (227 044 гражданских и 56 363 военнопленных), в других западных регионах СССР — 870 068 (соответственно 640 132 и 229 936). Не все они захотели вернуться в родные места. Так, по данным на 1 июня 1946 г., в Латвии остались на жительстве 11 947 внутренних перемещенных лиц.

Таким образом, в действительности на 1 марта 1946 г. насчитывалось 4 199 488 репатриантов (2 660 013 гражданских и 1 539 475 военнопленных), из них 2 352 686 поступили из зон действия союзников, включая Швейцарию (1 392 647 гражданских и 960 039 военнопленных) и 1 846 802 — из зон действия Красной Армии за границей, включая Швецию (1 267 366 гражданских и 579 436 военнопленных). Результаты их проверки и фильтрации представлены в табл. 1.

На 1 марта 1946 г. Управление уполномоченного СНК СССР по делам репатриации располагало сведениями о национальном составе 4 440 901 человека, куда вошли все репатрианты (4 199 488), а также 241 413 внутренних перемещенных лиц. Среди них: 1 631 861 русский (36,75%), 1 650 343 украинца (37,16%), 520 672 белоруса (11,72%), 50 396 литовцев, 35 686 латышей, 14 980 эстонцев, 36 692 молдаван, 11 428 евреев, 33 141 грузин, 25 063 армянина, 24 333 азербайджанца, 43 510 татар, 31 034 узбека, 26 903 казаха, 6249 киргизов, 4711 таджиков, 3968 туркмен, 6405 калмыков, 5793 башкира, 53 185 поляков, 3441 карел, 4705 финнов, 43 246 ингерманландцев и 173 156 представителей других национальностей. Среди русских было зафиксировано 891 747 гражданских и 740 114 военнопленных, у украинцев соответственно 1 190 135 и 460 208, у белорусов — 385 896 и 134 776. Значительное численное преобладание военнопленных наблюдалось у репатриантов среди грузин, армян, азербайджанцев, татар, башкир, калмыков, казахов, узбеков и ряда других. В то же время гражданские лица составляли абсолютное большинство у репатриантов среди литовцев, латышей, эстонцев, молдаван и некоторых других.

Результаты проверки и фильтрации репатриантов (по состоянию на 1 марта 1946 года)¹³

Категории репатриантов	Всего		В том числе			
	Человек	%	Гражданские		Военнопленные	
			Чел.	%	Чел.	%
Направлено к месту жительства ¹⁴	2 427 906	57,81	2 146 126	80,68	281 780	18,31
Призвано в армию	801 152	19,08	141 962	5,34	659 190	42,82
Зачислено в рабочие батальоны НКО	608 095	14,48	263 647	9,91	344 448	22,37
Передано в распоряжение НКВД (спецконтингент)	272 867	6,50	46 740	1,76	226 127	14,69
Находилось на сборно-пересыльных пунктах и использовалось на работах при советских воинских частях и учреждениях за границей	89 468	2,13	61 538	2,31	27 930	1,81
Итого:	4 199 488		2 660 013		1 539 475	

Сотрудники органов НКВД, НКГБ и контрразведки СМЕРШ, проводившие проверку и фильтрацию репатриантов, опасались, что довольно длительное бесконтрольное пребывание за границей могло серьезно повлиять на их мировоззрение и политические настроения. Однако в процессе общения с репатриантами эти опасения в значительной мере рассеивались. Так, в докладе командования войск НКВД по охране тыла Центральной группы советских войск от 26 октября 1945 г. отмечалось: «Политнастроение репатрируемых советских граждан в подавляющем большинстве здоровое, характеризуется огромным желанием скорее приехать домой — в СССР. Проявлялся повсеместно значительный интерес и желание узнать, что нового в жизни в СССР, скорее принять участие в работе по ликвидации разрушений, вызванных войной, и укреплению экономики Советского государства».

Позднее, когда волна просоветски настроенных репатриантов схлынула, оценки и тональность в отношении вновь прибывающих репатриантов существенно изменились. В письме Ф. И. Голикова от 1 октября 1947 г., адресованном министрам госбезопасности и внутренних дел В. С. Абакумову и С. Н. Круглову, отмечалось: «В настоящее время репатриация советских граждан из английской и американской зон оккупации в Германии имеет совершенно отличительные черты от репатриации, проводимой ранее. Во-первых, в наши лагеря поступают люди, имевшие в большинстве случаев вину перед Родиной; во-вторых, они длительное время находились и находятся на территории английского и американского влияния, подвергались там и подвергаются интенсивному воздействию всевозможных антисоветских организаций и комитетов, свивших себе гнезда в западных зонах Германии и Австрии. Кроме того, из Англии в настоящее время поступают в лагеря советские граждане, служившие в армии Андерса. За 1947 г. принято в лагеря советских граждан из английской и американской зон — 3269 чел. ре-

патриантов и 988 чел., служивших в армии Андерса. Нет сомнения, что среди этих граждан прибывают в СССР подготовленные разведчики, террористы, агитаторы, прошедшие соответствующие школы в капиталистических странах».

К 1 августа 1946 г. к месту жительства¹⁵ было направлено 3 322 053 репатрианта и внутренних перемещенных лица. Среди них было 3 024 229 гражданских (2 192 594 репатрианта и 831 635 внутренних перемещенных лиц) и 297 824 военнопленных (соответственно 297 508 и 316). На 3 289 672 человека (1 048 731 мужчина, 1 535 265 женщин и 705 676 детей) имелись сведения о распределении их по союзным республикам¹⁶. Из этого числа 1 578 570 человек было направлено на жительство в различные районы России, 1 145 484 — Украины, 332 301 — Белоруссии, 48 780 — Литвы, 54 621 — Латвии, 14 321 — Эстонии, 45 945 — Молдавии, 4679 — Грузии, 2045 — Армении, 4204 — Азербайджана, 43 501 — Казахстана, 4780 — Узбекистана, 8455 — Таджикистана, 901 — Киргизии, 723 — Туркмении и 362 — Карело-Финской ССР.

Резкое преобладание гражданских лиц среди направленных к месту жительства нельзя расценивать как дискриминацию военнопленных. Деление на гражданских и военнопленных в ходе проверки и фильтрации и при решении судьбы того или иного репатрианта не имело принципиального значения и относилось к категории второстепенных факторов. Главными критериями были поведение в плену и за границей, а также возраст, пол и другие социальные характеристики. В составе гражданских было огромное количество лиц пожилого возраста, женщин, детей, а также мужчин непризывных возрастов, которые не могли быть призваны в армию или зачислены в рабочие батальоны и, естественно, направлялись к месту жительства. Среди же военнопленных совсем не было детей, очень мало женщин, равно как и стариков. Преобладали мужчины призывных возрастов, подлежавшие восстановлению на военной службе или зачислению в рабочие

батальоны. За счет этого и образовалась диспропорция между гражданскими и военнопленными, направленными к месту жительства. После победы над Германией из Красной Армии были демобилизованы военнослужащие 13 старших возрастов, и вслед за ними отпущены по домам их ровесники из числа военнопленных.

Точно так же не происходило никакой дискриминации военнопленных перед гражданскими при зачислении в рабочие батальоны. Цифры, приведенные в табл. 1, говорят только о том, сколько среди репатриантов было выявлено мужчин, попадавших по своим возрастным характеристикам в рабочие батальоны. Деление на военнопленных и гражданских не имело никакого значения. В составе спецконтингента НКВД военнопленных насчитывалось почти в 5 раз больше, чем гражданских (см. табл. 1). Но к этому тоже следует относиться с пониманием. Ведь на военнопленных в первую очередь падало подозрение на предмет их возможной службы в армиях противника или изменнических формированиях. Случалось, что в спецконтингент НКВД целиком зачислялись коллаборационистские воинские части, состоявшие в основном из военнопленных.

Период массовой репатриации фактически завершился в первой половине 1946 г. В последующие годы она резко пошла на убыль. До 1 июля 1952 г. было репатрировано 4 305 035 советских граждан, из них 162 403 — в 1944 г., 3 888 721 — в 1945, 195 273 — в 1946, 30 346 — в 1947, 14 272 — в 1948, 6542 — в 1949, 4527 — в 1950, 2297 — в 1951 и 654 — в январе-июне 1952 г. Из общего числа репатриированных до 1 июля 1952 г. советских граждан 3 222 545 поступили из Германии¹⁷, 332 792 — из Австрии, 137 856 — Румынии, 123 267 — Франции, 102 278 — Польши, 101 359 — Финляндии, 84 777 — Норвегии, 54 350 — Италии, 42 706 — Чехословакии, 27 967 — Англии, 26 268 — Югославии, 13 614 — Бельгии, 9872 — Швейцарии, 7835 — Дании, 4070 — США, 3806 — Болгарии, 3429 — Венгрии, 3409 — Швеции, 1404 — Греции, 824 — Албании и 544 — из других стран.

В 1951 г. представители Управления уполномоченного Совмина СССР по делам репатриации установили личную связь с 2014 перемещенными советскими гражданами, проживающими в капиталистических странах. Невозвращенцы не всегда были искренни в разговорах с официальными советскими представителями, тем не менее из неоднократных бесед с ними были выявлены причины, мешающие им возвратиться на Родину: враждебное отношение к Советскому Союзу — 806 человек (40,0%); сожительство с иностранцами — 288 (14,3%); боязнь ответственности за длительное пребывание за границей — 363 (18,0%); ожидают писем с Родины и в зависимости от этого примут решение о возвращении в СССР — 54 (2,7%); желают возвратиться на Родину, но ссылаются на такие причины, которые якобы задерживают их, как-то: получение зарпла-

ты, болезнь членов семьи, приобретение одежды и т.п. — 113 (5,6%), и не установлены причины — 390 человек (19,4%).

Таким образом, к 1952 г. по линии органов репатриации в СССР было возвращено свыше 4,3 млн советских граждан. В это число не включены депортированные советские граждане (военнопленные и гражданские), которые во второй половине 1941 первой половине 1944 г. совершили удачные побег из-за границы в СССР, а также порядка 150 тыс. потерявших работоспособность «восточных рабочих», которых гитлеровцы в 1942–1943 гг. возвратили на оккупированную ими территорию СССР. Репатриация, хотя и в крайне незначительных размерах, продолжалась и после 1952 г. С учетом всего этого мы оцениваем общее число советских граждан, оказавшихся вследствие войны за границей и возвращенных впоследствии в СССР, примерно в 4,5 млн. человек.

Кроме того, по данным на июнь 1948 г., в СССР возвратились 106 835 человек, которые сами или их предки эмигрировали в разное время из царской России (некоторые из Австро-Венгрии и Польши), а также в период гражданской войны — из Советской России. В это число вошли 86 346 зарубежных армян, 6991 реэмигрант из Франции, 6067 — из Китая и 7431 крестьянин русского происхождения (6121 из Румынии и 1310 из Болгарии). Репатриация была добровольной (исключение составлял только насильственный вывоз некоторых русских эмигрантов из Китая)¹⁸.

Среди реэмигрантов из Франции было 1420 русских и 5471 лицо украинского и белорусского происхождения, многие из которых (или их предки) уехали во Францию не из царской России, а будучи подданными Австро-Венгрии или Польши. Крестьяне русского происхождения являлись преимущественно потомками старообрядцев, бежавших в XVIII в. из России на Балканы. Они изъявили желание переселиться на родину предков.

По данным на 1 января 1952 г., ведомство Ф. И. Голикова определяло численность так называемой второй эмиграции в 451 561 человек¹⁹ (в это число не вошли бывшие советские немцы, ставшие гражданами ФРГ и Австрии, бессарабцы и буковинцы, принявшие румынское подданство, и некоторые другие), среди которых было 144 934 украинца, 109 214 латышей, 63 401 литовец, 58 924 эстонец, 31 704 русских, 9856 белорусов и 33 528 прочих. Среди украинцев и белорусов преобладали выходцы из западных областей Украины и Белоруссии. «Вторая эмиграция» более чем на $\frac{3}{4}$ состояла из «западников» и менее чем на $\frac{1}{4}$ — из «восточников». Это было следствием производимого англо-американцами строгого селекционного отбора. Литовцы, латыши, эстонцы, а также западные украинцы (бывшие подданные Австро-Венгрии и их потомки) и в меньшей степени — западные белорусы и жители Правобережной Молдавии признавались

составной частью европейской цивилизации, тогда как практически все остальные выходцы из СССР считались азиатами или полуазиатами, т.е. представителями другой цивилизации. К тому же «западники» в своей массе не рассматривались как носители советской идеологии (этим они «выгодно» отличались от «восточников»).

Репатриантам было объявлено, что они сохраняют все права граждан СССР, включая избирательное, на них распространяется трудовое законодательство, социальное страхование. Однако по возвращении домой они часто сталкивались с ущемлением своих прав. Причем местные органы власти нередко действовали вопреки указаниям из Москвы. Например, в Москве выезд по повестке биржи труда на работу в Германию в качестве «восточного рабочего» склонны были интерпретировать как насильственный угон, а местные власти часто трактовали это как граничащий с предательством добровольный выезд во вражескую страну и не стеснялись демонстрировать перед репатриантами свое подозрительное, презрительное и враждебное отношение. Естественно, что от репатриантов пошел поток писем в различные инстанции с соответствующими жалобами.

4 августа 1945 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «Об организации политико-просветительной работы с репатрированными советскими гражданами», в котором указывалось: «Отдельные партийные и советские работники встали на путь огульного недоверия к репатрируемым советским гражданам. Надо помнить, что возвратившиеся советские граждане вновь обрели все права советских граждан и должны быть привлечены к активному участию в трудовой и общественно-политической жизни». Это смягчило на местах атмосферу недоверия к репатриантам, но отнюдь ее не устранило.

Высшее руководство, в отличие от местного, действовало более корректно, но тоже не питало доверия к репатриантам. В повседневной жизни они продолжали подвергаться явной или завуалированной дискриминации, в частности при выдвижении на руководящие должности, при приеме в партию и комсомол, при поступлении в высшие учебные заведения. Военнопленные не считались участниками войны, за исключением тех, кто после освобождения из плена, будучи мобилизованным в Красную Армию, на заключительном этапе войны участвовал в боевых действиях на фронте.

Недоверчивое отношение к репатриантам проистекало из факта их бесконтрольного пребывания в «иностранщине». Миллионы советских военнослужащих — участников похода 1944–1945 гг. в Европу — тоже побывали в «иностранщине», но к ним отношение было принципиально иное по причине того, что они воевали за пределами СССР под постоянным и бдительным контролем существовавших при войсках политических и контрразведывательных органов. В ходе репатриации командование парти-

занских формирований, состоявших из беглых военнопленных и восточных рабочих и действовавших во Франции, Италии, Югославии, Бельгии и других странах, обращалось с просьбами сохранить их в качестве самостоятельных войсковых единиц в Красной Армии, но эти просьбы не удовлетворялись. Основная причина отказа: эти партизанские формирования действовали вне контроля со стороны «компетентных советских органов».

Во время войны освобожденные из плена военнослужащие в большинстве случаев после непродолжительной проверки восстанавливались на военной службе, причем рядовой и сержантский состав в основном в обычных воинских частях, а офицеры, как правило, лишались офицерских званий, и из них формировались офицерские штрафные (штрафные) батальоны. Как отмечалось в мартовском (1946 г.) отчете Управления уполномоченного СНК СССР по делам репатриации, в послевоенное время «освобожденные офицеры направлялись в лагеря НКВД и запасные части Главупраформа Красной Армии для более тщательной проверки и установления категории. После проверки ни в чем не замешанные направлялись в войска для дальнейшего прохождения службы или увольнялись в запас. Остальные направлялись по назначению НКВД („СМЕРШ“). К 1 марта 1946 г. среди военнопленных репатриантов было учтено 123 464 офицера (311 полковников, 455 подполковников, 2346 майоров, 8950 капитанов, 20 864 старших лейтенанта, 51 484 лейтенанта и 39 054 младших лейтенанта).

Следует отметить, что «компетентные органы», выдерживая принцип неприменения статьи 193²⁰, в то же время упорно старались упрятать многих офицеров-репатриантов за решетку по статье 58, предъявляя обвинения в шпионаже, антисоветских заговорах и т.п. Офицеры, направленные на 6-летнее спецпоселение, как правило, не имели никакого отношения ни к генералу А. А. Власову, ни к ему подобным. Причем наказание в виде спецпоселения им было определено только потому, что органы госбезопасности и контрразведки не смогли найти компрометирующего материала, достаточного для того, чтобы заключить их в ГУЛАГ. К сожалению, нам не удалось установить общую численность офицеров, направленных на 6-летнее спецпоселение (по нашим оценкам, их было порядка 7–8 тыс., что составляло не более 7% от общего числа офицеров, выявленных среди репатрированных военнопленных). В 1946–1952 гг. была репрессирована и часть тех офицеров, которые в 1945 г. были восстановлены на службе или уволены в запас. Не оставили в покое и офицеров, которым посчастливилось избежать репрессий, и их периодически вызывали на «собеседования» в органы МГБ вплоть до 1953 года.

Причем из содержания документов ведомств Л. П. Берии, Ф. И. Голикова и других вытекает, что высшие советские руководители, решавшие судьбу

офицеров-репатриантов, пребывали в уверенности, что они поступили с ними гуманно. По-видимому, под «гуманизмом» имелось в виду то, что они воздержались от катынского способа (расстрел польских офицеров в Катыни) решения проблемы советских офицеров-репатриантов и, сохранив им жизнь, пошли по пути их изоляции в различных формах (ПФЛ, ГУЛАГ, «запасные дивизии», спецпоселение, рабочие батальоны); по нашим оценкам, не менее половины даже оставили на свободе. На фоне ужасной участи польских офицеров в Катыни такое решение проблемы офицеров-репатриантов действительно выглядит как крупный шаг в сторону гуманизма.

После войны военнопленные рядового и сержантского состава, не служившие в немецкой армии или изменнических формированиях, были разбиты на две большие группы по возрастному признаку — демобилизуемые и недемообилизуемые возраста. В 1945 г. после увольнения из армии в запас красноармейцев тех возрастов, на которых распространялся приказ о демобилизации, были отпущены по домам и военнопленные рядового и сержантского состава соответствующих возрастов. Военнопленные рядового и сержантского состава недемообилизуемых возрастов подлежали восстановлению на военной службе, но поскольку война закончилась и государству теперь больше требовались рабочие, а не солдаты, то в соответствии со специальным постановлением Государственного Комитета Обороны от 18 августа 1945 г. из них были сформированы рабочие батальоны НКО²¹. Кроме того, из числа гражданских репатриантов в эти батальоны были зачислены мужчины недемообилизуемых возрастов, которым по закону надлежало служить в армии²² (в рабочие батальоны зачислялись те, кто в 1941 г. уже находился в призывном возрасте, а те, кто в 1941 г. был в допризывном возрасте, теперь призывались на военную службу на общих основаниях). Отправка к месту жительства зачисленных в рабочие батальоны НКО ставилась в зависимость от будущей демобилизации из армии военнослужащих срочной службы соответствующих возрастов. Хотя рабочие батальоны предназначались только для военнопленных и военно-обязанных рядового и сержантского состава, фактически же туда было определено около 6 тыс. офицеров. В отличие от офицеров, направленных на 6-летнее спецпоселение, эти офицеры не были лишены офицерских званий, а члены их семей — государственных пособий²³.

Обозначение «НКО» следует понимать так, что рабочие батальоны входили в систему данного наркомата только в период их формирования, а в дальнейшем направлялись на предприятия и стройки различных других наркоматов (в марте 1946 г. наркоматы были переименованы в министерства) и ведомств и подчинялись последним. По данным на 6 февраля 1946 г., из 578 616 репатриантов²⁴, зачисленных в рабочие батальоны, в Наркомат угольной промышленности было передано 256 300 человек, черную метал-

лургию — 102 706, лесную промышленность — 25 500, нефтяную — 27 800, химическую — 15 440, в различные строительные организации — 37 750, на стройки и предприятия в системе НКВД — 3500, в Наркомат электростанций — 10 тыс., Наркомат путей сообщения — 11 тыс., промышленность стройматериалов — 9070, судостроительную промышленность — 2800, резиновую — 2850, бумажную — 5450, рыбную — 8 тыс., слюдяную — 2200, цветную металлургию — 7 тыс., на заготовку дров для Москвы — 10 тыс., в систему «Главсталинградвосстановление» — 12 тыс. и в распоряжение других наркоматов и ведомств — 29 250 человек.

В 1946 г. произошла довольно быстрая трансформация этой категории репатриантов из весьма неясного «арбайтбатальонного» состояния в обычных гражданских рабочих и служащих. По директиве Генерального штаба Вооруженных Сил СССР от 12 июля 1946 г. рабочие батальоны были расформированы, и к этой категории репатриантов стал применяться термин «переведенные в постоянные кадры промышленности». По постановлению Совета Министров СССР от 30 сентября 1946 г. на них было полностью распространено действующее законодательство о труде, а также все права и льготы, которыми пользовались рабочие и служащие соответствующих предприятий истроек. Они сохраняли статус полноправных граждан СССР, но без права покинуть определенное государством место работы (не установленное место жительства, как у спецпереселенцев, а именно *место работы*). За самовольный уход с работы им грозило заключение в ГУЛАГ на срок от 5 до 8 лет (в мае 1948 г. эта мера наказания была снижена — от 2 до 4 месяцев).

В 1946–1948 гг. из Красной (Советской) Армии были демобилизованы военнослужащие ряда возрастов, и соответственно их ровесники, ранее зачисленные в рабочие батальоны, пытались получить разрешение вернуться в места, где они жили до войны. И тут-то выяснилось, что с мечтами об освобождении от работ по достижении демобилизуемого возраста следует распрощаться. Политика в отношении этих людей была совсем иная, а именно: оставить их на постоянном жилье в тех местах, куда они прибыли в свое время в составе рабочих батальонов. Для этого их склоняли к заключению долгосрочных трудовых договоров, агитировали перевозить свои семьи к себе. Часть репатриантов — бывших «арбайтбатальонников» — именно так и поступила, но большинство их такое положение никак не устраивало. Широкий размах приняли самовольные уходы (побеги) с предприятий и строек. Беглецы, число которых исчислялось многими десятками тысяч, рисковали тем, что их могли привлечь к уголовной ответственности за самовольный уход с установленного места работы, но практически риск был не так уж велик, поскольку их не объявляли во всесоюзный розыск, а местный розыск результатов обычно не давал. В распространенный

способ освобождения от этих работ вылилось невозвращение из отпусков (поскольку репатриантам — бывшим «арбайтбатальонникам» было объявлено, что они обладают всеми правами советских рабочих и служащих, то, следовательно, они имели право на ежегодный отпуск). Легальным образом возвратиться на свою родину можно было в основном только прибалтам и закавказцам. По решениям Совета Министров СССР от 13 апреля 1946 г., 2 октября 1946 г. и 12 июня 1947 г. на свою родину были возвращены зачисленные в рабочие батальоны репатрианты всех возрастов (кроме немцев, турок-месхетинцев, курдов и некоторых других), являвшиеся жителями Литвы, Латвии, Эстонии, Грузии, Армении и Азербайджана.

Уже к началу 1948 г. количество репатриантов, числившихся в постоянных кадрах промышленности, сократилось более чем в два раза. В письме заместителя председателя Госплана СССР Г. Косяченко от 9 марта 1948 г. на имя К. Е. Ворошилова отмечалось:

«В настоящее время, по данным министерств, работает на предприятиях и стройках из числа репатриантов в угольной промышленности западных районов около 47 тыс. человек, угольной промышленности восточных районов 69 тыс. человек, черной металлургии 47 тыс. человек, лесной промышленности 12 тыс. человек и в других министерствах в небольших количествах. Госплан СССР считает, что вопрос об освобождении от работы рабочих и служащих из числа репатриированных военнопленных и военнообязанных, переданных для постоянной работы в промышленность и строительство, должен решаться в каждом отдельном случае руководителями предприятий и строков в соответствии с законодательством о труде. Поэтому принимать решение Правительства об освобождении от работы всех бывших репатриантов нет необходимости, тем более, что многие из них заключили трудовые договоры на постоянную работу».

Советские немцы, возвращенные после войны в СССР в порядке насильственной репатриации, разделили участь своих соплеменников, высланных в 1941–1942 гг. из бывшей Республики немцев Поволжья и других регионов. Они были направлены в отдаленные районы СССР на спецпоселение. В контингент репатриированных немцев были включены и немцы, высланные в 1945–1948 гг. из западных регионов СССР. По данным на 1 января 1953 г., на учет спецпоселений состояло 208 388 репатриированных немцев²⁵. По Указу Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1955 г. они были освобождены из спецпоселения. Однако с них были взяты расписки о том, что они не имеют права возвращаться в прежние места жительства.

Проживавшие на подвергавшейся немецкой оккупации территории Ленинградской области ингерманландцы в течение короткого срока (1943–1945 гг.) дважды подвергались депортации: сначала гитлеровцами, потом большевиками. В 1943–1944 гг. по прика-

зу немецко-фашистского командования происходила тотальная «эвакуация» населения Ленинградской области. Ингерманландцы вынуждены были покинуть свои селения и оказались в Эстонии, где были поставлены перед выбором: эвакуация либо в Германию, либо в Финляндию. Они предпочли Финляндию. После подписания 19 сентября 1944 г. Соглашения о перемирии между СССР, Великобританией и Финляндией началась массовая репатриация этих лиц в СССР. По постановлению ГКО от 19 ноября 1944 г. они направлялись на постоянное жительство в Ярославскую, Калининскую, Новгородскую, Псковскую и Великолукскую области. Спецпереселенческий статус на них не был распространен. Репатриированные ингерманландцы фактически превратились в административно высланных, без права возвращения на свою историческую родину.

В мартовском (1946 г.) отчете Управления уполномоченного СНК СССР по делам репатриации было указано число репатриированных ингерманландцев — 43 246 человек. Во всех других документах указанного ведомства отмечалось, что к этому времени из Финляндии вернулось 55 942 ингерманландца, из них 19 336 расселено в Ярославской области, 14 169 — Калининской, 10 513 — Новгородской, 6335 — Псковской и 5589 — в Великолукской области. Из этого числа уже к 16 января 1945 г. в указанных областях было расселено 55 650 человек. Расхождение в документах ведомства Ф. И. Голикова в определении численности репатриированных ингерманландцев (43 246 и 55 942) объясняется тем, что в первом случае учитывались только этнические ингерманландцы, а во втором — вместе с представителями других национальностей, репатриированными из Финляндии и направленными с ингерманландцами на поселение в указанные области. Например, в составе 5589 репатриантов из Финляндии (в документах все они назывались ингерманландцами), поступивших к середине января 1945 г. в Великолукскую область, было 3922 ингерманландца, 754 ижорца, 704 русских, 141 карел, 111 вепсов, 28 эстонцев, 14 украинцев, 3 литовца, 1 норвежец и представителей других национальностей.

По постановлению Совета Министров СССР от 13 апреля 1946 г. репатриированные литовцы, латыши и эстонцы, служившие по мобилизации в немецкой армии, легионах и полиции в качестве рядовых и младшего командного состава, были освобождены от отправки на 6-летнее спецпоселение и из ПФЛ и ИТЛ подлежали возвращению в Прибалтику.

По состоянию на 10 мая 1946 г., спецконтингент, содержащийся в ПФЛ и ИТЛ, насчитывал 38 512 прибалтов (в ПФЛ — 20 106, в ИТЛ — 18 406), из них 29 705 латышей, 4815 литовцев и 3992 эстонца. Лиц непризывных возрастов, подлежавших направлению к месту жительства их семей, было 24 659, а лиц призывных возрастов, которые были определены на стройки и в промышленность Прибалтийских республик, — 13 853.

В период 1946–1952 гг. из года в год заметно росло подозрительное отношение к репатриантам со стороны правительственных кругов СССР. Это было отражением холодной войны, а с 1948 г. ситуация еще более усугубилась начавшейся кампанией по борьбе с космополитизмом и иностранщиной. В обществе искусственно нагнетались настроения «шпиономании». Особое недоверие вызывали репатрианты, поступившие из зон действия англо-американских войск. Одно одобрительное слово в адрес англичан или американцев могло стоить им многих лет лишения свободы. В ГУЛАГе появилась новая прослойка политических заключенных под названием «падовцы» (производное от ПАД — пропаганда американской демократии). Кроме того, часть репатриантов была обвинена в шпионаже. Органы МГБ и военной контрразведки выявляли среди них лиц, действительно завербованных американскими и английскими спецслужбами, однако имели место и огульные обвинения подобного рода.

Несмотря на возрастание подозрительного отношения к репатриантам, руководство СССР все же воздержалось от крупномасштабных репрессий. Поэтому основная их масса не пострадала даже в этой неблагоприятной для них политической атмосфере. Однако в морально-психологическом плане репатрианты испытывали все больший дискомфорт; сам термин «репатрианты» приобрел в общественном сознании однозначно негативный смысл, и их все чаще стали сторониться как прокаженных.

Отдельные группы репатриантов, к которым руководство СССР испытывало особо сильное недоверие, были репрессированы (чаще всего в форме выселения с отправкой на спецпоселение). Так, в 1951 г. из Западной Украины, Западной Белоруссии и Литвы были выселены вместе с семьями репатрианты — бывшие военнослужащие польской армии Андерса, прибывшие в СССР в 1946–1949 гг. в основном из Англии. Поляков среди репатриантов-«андерсовцев» было сравнительно немного, и подавляющее их большинство составляли украинцы и белорусы. На спецпоселение в Иркутскую область в 1951 г. поступило более 4,5 тыс. «андерсовцев» (включая членов их семей). Этот контингент находился на спецпоселении до августа 1958 г.

В 1946–1947 гг. основная масса содержащихся в ПФЛ и ИТЛ мелких коллаборационистов, служивших, как правило, рядовыми в немецкой армии, строевых немецких формированиях (кроме трудовых), в армии Власова, национальных легионах, полиции и т.п., была направлена на 6-летнее спецпоселение (служившие в указанных формированиях офицеры осуждались по 58-й статье как политические преступники, и их, естественно, не было на спецпоселении, так как они содержались в лагерях и тюрьмах). По учету Отдела спецпоселений МВД СССР и 9-го управления МГБ СССР этот контингент условно и неточно назывался «власовцы»²⁶.

В него входили и направленные на 6-летнее спецпоселение офицеры-репатрианты, не служившие в армиях противника и изменнических формированиях (в документах НКВД и ведомства Ф. И. Голікова в 1945–1946 гг. упорно утверждалось, что они находились на военной службе у противника, но в ходе реабилитации в 1956–1957 гг. выявились многочисленные факты необоснованности подобных обвинений).

Динамика направления «власовцев» на поселение выглядела следующим образом: 1945 г. — 4985 человек, 1946 — 132 479, 1947 — 30 751, 1948 — 4575, 1949 — 3705, 1950 — 2078, январь — июнь 1951 — 316 человек, а всего за 1945 — первую половину 1951 г. — 177 573 человека. Однако фактически этих людей на спецпоселении всегда было значительно меньше указанного числа, немало их переводилось в лагеря, тюрьмы и колонии. Высокой также была их смертность. В марте 1949 г. национальный состав 112 882 спецпоселенцев-«власовцев» (без арестованных и бежавших) выглядел так: русские — 54 256, украинцы — 20 899, белорусы — 5432, грузины — 3705, армяне — 3678, узбеки — 3457, азербайджанцы — 2932, казахи — 2903, немцы — 2836, татары — 2470, чувашы — 807, кабардинцы — 640, молдаване — 637, мордва — 635, осетины — 595, таджики — 545, киргизы — 466, башкиры — 449, туркмены — 389, поляки — 381, калмыки — 335, адыгейцы — 201, черкесы — 192, лезгины — 177, евреи — 171, караимы — 170, удмурты — 157, латыши — 150, марийцы — 137, каракалпаки — 123, аварцы — 109, кумыки — 103, греки — 102, болгары — 99, эстонцы — 87, румыны — 62, ногайцы — 59, абхазцы — 58, коми — 49, даргинцы — 48, финны — 46, литовцы — 41 и другие — 2095 человек.

В 1952 г. большинство спецпоселенцев-«власовцев» было снято с учета спецпоселений по истечении 6-летнего срока. В документах МВД и МГБ приводятся разные сведения о числе освобожденных к концу 1952 г. — от 87 631 до 95 553 человек. Большинство «власовцев» немецкой, калмыцкой, чеченской, ингушской, балкарской, карачаевской, греческой национальностей, а также из числа крымских татар (5819 человек) было переведено на спецпоселение навечно (в 1954 г. это решение было отменено). Часть «власовцев» русской, украинской и других национальностей, занятых на незавершенных строительных объектах, была временно оставлена на учете спецпоселений. В течение 1953–1955 гг. они освобождались из спецпоселений по мере завершения того или иного строительства.

Окончательно контингент спецпоселенцев под названием «власовцы» перестал существовать осенью 1955 г., когда еще оставшиеся из них на спецпоселении были освобождены по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 17 сентября 1955 г. «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». Кроме того, по этому Указу из ГУЛАГа

было досрочно освобождено 59 610 заключенных²⁷ (55 480 в 1955 и 4130 в 1956 г.). Несомненно, среди этих освобожденных по амнистии заключенных было немало репатриантов, осужденных за активную коллаборационистскую деятельность.

Многие офицеры-репатрианты, находившиеся после войны на спецпоселении или в заключении, были реабилитированы. 29 июня 1956 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли Постановление

«Об устранении последствий грубых нарушений законности в отношении бывших военнопленных и членов их семей». Проверке и пересмотру подверглись дела на офицеров, находившихся в фашистском плену и после войны подвергшихся репрессиям. По итогам этой работы целый ряд бывших офицеров-репатриантов был восстановлен в офицерских званиях, а членам их семей возвращено право на получение государственных пособий.

¹ По данным Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников (ЧГК), оккупанты угнали на принудительные работы около 4,3 млн. советского гражданского населения (История СССР с древнейших времен до наших дней. М. 1973. Т. 10. С. 390).

² Всего в немецкий, финский и румынский плен попало около 6,3 млн. человек (включая пленных ополченцев, партизан, бойцов спецформирований различных гражданских ведомств, самообороны городов, истребительных отрядов и т.п.), из них 3,9 млн. не дожили до конца войны. Лица, взятые в плен итальянскими, венгерскими и словацкими войсками, передавались Германии и учтены в немецкой статистике. В немецкий плен попало 6,2 млн. (в 1941 г. — 3,8 млн., в 1942 — 1653 тыс., в 1943 — 565 тыс., в 1944 — 147 тыс., в 1945 г. — 34 тыс.), в финский — 64,2 тыс. и в румынский — свыше 40 тыс. (См.: Дугас И. А., Черон Ф. Я. Вычеркнутые из памяти: Советские военнопленные между Гитлером и Сталиным. Париж, 1994. С. 59, 399; Полян П. М. Жертвы двух диктатур: Остарбайтеры и военнопленные в третьем рейхе и их репатриация. М. 1996. С. 65, 71). Из 2,4 млн. выживших военнопленных 0,7 млн. находились на бывшей оккупированной территории СССР и не являлись для страны демографической потерей. Остальные 1,7 млн. уцелевших военнопленных пребывали за границей, из них к середине 1947 г. по репатриации было возвращено в СССР около 1550 тыс. (91%) и свыше 150 тыс. составили невозвращенцы (9%).

³ Статистика этого контингента не велась, а те данные, которые имеются в немецких источниках, не разработаны и не обобщены. По нашим оценкам, их было не менее 700 тыс. Впоследствии они составили большую часть «второй эмиграции».

⁴ В соглашениях СССР с США и Великобританией был зафиксирован принцип взаимной обязательной репатриации. Оказавшиеся в советских зонах американские и английские граждане подлежали обязательной выдаче США и Великобритании, независимо от их желаний. В 1945–1946 гг. СССР в порядке взаимной обязательной репатриации передал 24 544 англичан и 22 481 американца. Соглашение, аналогичное Ялтинским, 26 июня 1945 г. было заключено с Францией, и в период 1945–1951 гг. из СССР и советских оккупационных зон за границей было репатрировано 313 368 французов (включая пленных эльзасцев и лотарингцев), из них 310 030 — до 1 марта 1946 г. (ГА РФ. Ф. 9526. Оп. 4а. Д. 1. Л. 229–230; Д. 7. Л. 135–139).

⁵ В период работы Ялтинской конференции (4–11 февраля 1945 г.) союзники еще не признали новых границ СССР и для них основополагающим критерием в определении круга лиц, подлежащих обязательной выдаче советским властям, являлось проживание до 1 сентября 1939 г. на территории СССР в его границах до этой даты. На Потсдамской конференции (17 июля — 2 августа 1945 г.) США и Великобритания официально признали новую западную границу СССР, но о распространении на «западников» принципа обязательной репатриации никакого решения не было принято. В последующем англо-американцы в определении понятия «советские граждане» применительно к перемещенным лицам продолжали пользоваться критериями, которыми они руководствовались при заключении Ялтинских соглашений (например, в августе 1945 г. в ответ на требование советских представителей выдать насчитывавшую до 10 тыс. человек западноукраинскую дивизию СС «Галичина» англичане произвели проверку и установили, что только 112 человек из них являлись до 1 сентября 1939 г. подданными СССР. Их-то англичане и передали советским властям в порядке выполнения Ялтинских соглашений об обязательной репатриации, а всех остальных, поскольку они не отвечали указанному критерию, выдать отказались). После Потсдамской конференции все попытки советской дипломатии убедить бывших союзников, что перемещенные лица из числа жителей Прибалтики, Западной Украины и Западной Белоруссии являются советскими гражданами и к ним применимы Ялтинские соглашения в плане насильственной репатриации, успеха не имели (см.: Полян П. М. Жертвы двух диктатур... С. 200–201, 242).

⁶ Тем не менее в 1946–1947 гг. имели место отдельные факты насильственной выдачи англичанами и американцами советских перемещенных лиц в духе Ялтинских соглашений.

⁷ От обязательной репатриации советским руководством были освобождены две категории лиц, являвшихся к 22 июня 1941 г. подданными СССР: 1) бессарабцы и буковинцы, оформившие румынское гражданство (таковых было свыше 4 тыс.); 2) женщины, вышедшие замуж за иностранцев и имевшие от них детей (по нашим оценкам, в начале 1950-х годов насчитывалось около 30 тыс. таких женщин).

⁸ В письме № 597/6 от 26 мая 1945 г. Л. П. Берия информировал И. В. Сталина и В. М. Молотова, что от англичан должно быть принято 40 тыс. человек, имея в виду красноармейских казаков. Никаких конкретных планов по их репрессированию тогда не существовало — они должны были пройти обычную для «спецконтингента НКВД» процедуру проверки и фильтрации. Предусматривалось направить их в лагеря, специально созданные в свое время для обслуживания угольной промышленности, в том числе 31 тыс. — в лагеря системы ОПФЛ (Кизеловский ПФЛ № 0302 — 12 тыс., Прокопьевский ПФЛ № 0315 — 12 тыс., Кемеровский ПФЛ № 0314 — 7 тыс.) и 9 тыс. офицеров и немецких инструкторов — в Прокопьевский лагерь № 525 системы Главного управления по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ). Такое распределение означало, что казацкие офицеры рассматривались как «чужие» вместе со взятыми в плен немцами, венграми, румынами и т.д., а рядовые казаки приравнивались к «своим», т.е. к советским гражданам, проходившим в ПФЛ «госпроверку». Фактически же от англичан было принято 46 тыс. человек (включая членов семей), причем казачьих офицеров и немецких

инструкторов оказалось меньше, чем ожидалось. Поэтому в Прокопьевский лагерь №525 ГУПВИ было направлено только около 5,5 тыс. человек, а в лагеря ОПФЛ — 40,5 тыс., из них в ПФЛ №0302 — 14 тыс., ПФЛ №0314 — 9,5 тыс. и ПФЛ №0315 — 17 тыс. (ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 191. Л. 125–126; Оп. 2. Д. 96. Л. 169).

⁹ Это не касалось перебежчиков. Под амнистию попадали «нарушители» воинской присяги (из ее текста следовало, что военнослужащие ни при каких обстоятельствах не должны сдаваться врагу), которые, находясь в безвыходных ситуациях, сдались в плен (включая и тех, кто был пленен будучи раненым или контуженным). Именно такие «нарушители» составляли подавляющее большинство военнопленных.

¹⁰ Считаю своим долгом развеять имевший хождение в западной литературе миф о неких «расстрельных списках», «расстрелах» части репатриантов якобы сразу же по прибытии в советские сборные пункты и лагеря. Причем ни разу не было приведено какого-нибудь бесспорного доказательства, и эта версия целиком строилась на всякого рода предположениях, домыслах и слухах, которые даже косвенными уликами признать сложно. Особенно преуспел в этом мифотворчестве Н. Толстой в своей книге «Жертвы Ялты», вышедшей в 1977 г. на английском языке (переиздана в 1988 г. в Париже на русском языке). Сочиненные им басни о «расстрельных списках» и «расстрелах» подчас имели такую видимость правдоподобия, что даже видные профессиональные историки, как М. Геллер и А. Некрич, попались на эту удочку и, ссылаясь на Н. Толстого, вполне серьезно написали: «Часть бывших советских пленных, доставленных на английских судах в Мурманск и Одессу, расстреливались войсками НКВД тут же в доках» (см.: Геллер М., Некрич А. Утопия у власти: История Советского Союза с 1917 года до наших дней. М., 1986. С. 498). Разумеется, это утверждение бездоказательное и, более того, не соответствующее истине. Мною изучен весьма большой массив источников по проблеме репатриации советских граждан — достаточный для того, чтобы твердо заявить: «расстрельных списков» не существовало, это — миф! Для примера приведу ситуацию с распределением 9907 репатриантов, поступивших 6 ноября 1944 г. в Мурманск: 18 человек арестованы органами СМЕРШ (но не для расстрела, а для ведения следствия), 81 больной помещен в мурманские госпитали и все остальные (естественно, живыми) направлены по двум адресам в Таллинский спецлагерь №0316 и Зашеекский ПФП в Карело-Финской ССР (ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 1. Д. 21. Л. 10–11).

¹¹ По состоянию на 1 января 1946 г. в ПФЛ и ИТЛ насчитывалось 228 018 человек спецконтингента (125 812 — в ПФЛ и 102 206 — в ИТЛ), в том числе в ИТЛ «Дальстроя» — 34 680, Прокопьевском ПФЛ — 16 658, Березниковском ПФЛ — 16 191, Воркутинском ИТЛ — 13 320, Норильском ИТЛ — 10 399 и остальной контингент — в ряде других ПФЛ и ИТЛ. Большинство этих людей в 1946–1947 гг. были направлены на 6-летнее спецпоселение. К 1 января 1948 г. численность содержащегося в ПФЛ и ИТЛ спецконтингента снизилась до 2923 человек (ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1265. Л. 1; Д. 1306. Л. 1).

¹² Термин «репатриация» употребляется только в случае возвращения на родину из-за государственной границы, а при обратных переселениях из одних регионов в другие в рамках одного государства (в данном случае СССР) этот термин неприменим.

¹³ Сост. по: ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 3. Д. 53. Л. 175; Оп. 4а. Д. 1. Л. 62, 70, 223.

¹⁴ Включая репатриантов-немцев (советских граждан), крымских татар, чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев и некоторых других, направленных на спецпоселение. Репатрированных из Финляндии ингерманландцев, вопреки обещаниям отправить их на родину, в Ленинградскую область, насильственно расселили в Великолукской, Калининской, Ярославской, Псковской и Новгородской областях. В число направленных к месту жительства включены репатрианты, умершие в период нахождения их в лагерях, СПП, ПФП и т.д.

¹⁵ Прибывших к месту жительства репатриантов местные органы внутренних дел и госбезопасности обязаны были проверить на основании приказа НКВД-НКГБ СССР от 16 июня 1945 г. «О порядке проверки и фильтрации по месту постоянного жительства возвращающихся на родину репатрированных советских граждан». По состоянию на 1 сентября 1947 г., проверка считалась завершённой в отношении 1 981 411 человек (в это число входили более 1924 тыс. репатриантов и около 57 тыс. внутренних перемещенных лиц). На 1 627 590 человек из общего числа проверенных не было выявлено никаких компрометирующих материалов (82,1%), 21 617 арестовано (1,1%), 202 805 взято в агентурную разработку (10,2%) и еще 1 293 399 человек (6,6%) значились как «выбывшие по другим причинам». На указанную дату для того, чтобы считать, что приказ от 16 июня 1945 г. полностью выполнен, требовалось завершить проверку в отношении еще 56 761 репатрианта. Таким образом, в списки проверяемых на основании указанного приказа, по состоянию на 1 сентября 1947 г. вошли 2 038 172 человека (ГАРФ. Ф. 9408. Оп. 1. Д. 2. Л. 89–90; Ф. 9478. Оп. 1. Д. 667. Л. 215, 251, 254). Такое количество было на порядок ниже общего числа репатриантов и внутренних перемещенных лиц, направленных к месту жительства. Это объяснялось главным образом тем, что, во-первых, проверялись в основном только взрослые и, во-вторых, местные органы МВД-МГБ не считали репатриантами (за исключением «репатрированных из Прибалтики») граждан, которых мы условно называем внутренними перемещенными лицами, и не вносили их в списки на проверку на основании приказа от 16 июня 1945 г.

¹⁶ Разница между числом направленных к месту жительства к 1 августа 1946 г. и тем количеством, на которое имелись сведения о распределении по союзным республикам, составляет 32 381 человек. По-видимому, эта цифра адекватна числу умерших во время прохождения проверки и фильтрации в лагерях, СПП, ПФП и других сборных и проверочных пунктах.

¹⁷ В статистике репатрированных советских граждан из Германии имеются некоторые противоречия. Если исходить из числа поступивших к 1 июля 1952 г. из всех четырех оккупационных зон Германии (из советской зоны — 886 286, английской — 1 073 545, американской — 1 039 032, французской — 84 416), то в сумме получается не 3 222 545, а 3 083 279 человек. Недостающие 139 266 человек в источнике названы как прибывшие «из СПП и лагерей» (ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 86а. Д. 12345. Л. 82) без указания стран, откуда они были репатрированы. Причем из контекста ясно, что это, во-первых, не внутренние перемещенные лица и, во-вторых, не переданные союзниками, т.е. речь идет о людях, находившихся за пределами СССР в странах, где стояли советские войска. Мы включили эти 139 266 человек в число репатрированных из советской зоны оккупации Германии, исходя из того, что значительная их часть, безусловно, поступила из бывших германских территорий (Восточная Пруссия и другие), отошедших к СССР и Польше. В ходе дальнейшего исследования возможна корректировка

этой статистики в сторону уменьшения на несколько десятков тысяч человек поступивших из Германии и соответствующего увеличения количества репатриированных из Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии.

¹⁸ Известны факты насильственного вывоза в СССР отдельных белоэмигрантов из Чехословакии и других стран, где стояли советские войска. Однако в документах ведомства Ф. И. Голикова эти лица нигде не вычленяются. По-видимому, они входят в общее число советских граждан, репатриированных из зон действия Красной Армии за границей.

¹⁹ Из этого числа 84 825 человек находились в Западной Германии, 18 891 — в западных зонах Австрии, 100 036 — в Англии, 50 307 — Австралии, 38 681 — Канаде, 35 251 — США, 27 570 — Швеции, 19 675 — Франции, 14 729 — Бельгии, 7085 — Аргентине, 6961 — Финляндии, 3710 — Бразилии, 2804 — Венесуэле, 2723 — Голландии, 2619 — Норвегии и 36 694 — в других странах (ГА РФ. Ф. 9526. Оп. 4а. Д. 7. Л. 5–6).

²⁰ Ст. 193 не применялась даже к А. А. Власову. Он был приговорен к смертной казни по совокупности политических преступлений на основании ст. 58–1, 58–8, 58–9, 58–10 и 58–11 УК РСФСР (Правда. 1946. 2 авг.)

²¹ В литературе прослеживается тенденция расценивать рабочие батальоны НКО как якобы форму репрессии. На самом же деле лица, зачисленные в эти батальоны, вместе с направленными к месту жительства и призванными в Красную Армию составляли одну большую нерепрессированную категорию репатриантов. Рабочие батальоны — одна из форм оргнабора рабочей силы, явления в 1940-х годах в СССР обычного и заурядного. Через различные формы оргнабора рабочей силы в эти годы прошли многие миллионы советских людей, а не одни только репатрианты. Причем люди в массе своей совершенно справедливо воспринимали эти многочисленные мобилизации как суровую необходимость, вызванную обстоятельствами военного и послевоенного времени, а отнюдь не как наказание или репрессии. Задача же сведения части репатриантов в рабочие батальоны и отправки их в организованном порядке на предприятия и стройки состояла не в том, чтобы их якобы наказывать, а в том, чтобы удовлетворить запросы промышленных наркоматов, испытывавших острейший дефицит рабочей силы. Поэтому следует признать предвзятым и не соответствующим истине фактическое приравнивание этих лиц к категории репрессированных граждан, данное в оценках двух комиссий в 1956 г. Комиссией во главе с Г. К. Жуковым, которой Президиум ЦК КПСС поручил разобраться с положением вернувшихся из плена бывших советских военнослужащих, а затем, в 1990-х годах, возглавляемой А. Н. Яковлевым Комиссией по реабилитации жертв политических репрессий (См.: Новая и новейшая история, 1996. № 2. С. 108). Репрессированными можно считать тех, кто после зачисления в рабочие батальоны впоследствии был арестован. По данным на 20 января 1947 г., органами контрразведки, госбезопасности и внутренних дел был «изъят» 18 761 репатриант из числа ранее прошедших через рабочие батальоны, из них 14 284 направлены в ПФЛ и на 6-летнее спецпоселение и 4477 арестованы (ГА РФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 667. Л. 256–257).

²² Обе указанные комиссии — Г. К. Жукова и А. Н. Яковлева — чрезвычайно исказили и запутали вопрос о численности и составе репатриантов в рабочих батальонах НКО. В действительности до начала 1947 г., т. е. до того момента, когда рабочие батальоны были расформированы и прекратили свое существование, через них прошли около 660 тыс. репатриантов, в том числе примерно 370 тыс. военнопленных и 290 тыс. гражданских лиц (военнообязанных). Однако Комиссия Г. К. Жукова представила дело так, что эти 660 тыс. человек якобы были только бывшими военнопленными, а в такой интерпретации это не просто искажение. Это — фальсификация! Много лет спустя Комиссия А. Н. Яковлева пошла по пути дальнейшего фальсифицирования. Уцепившись за то, что в данных Комиссии Г. К. Жукова говорится только о зачисленных в рабочие батальоны НКО бывших военнопленных, а «число военнообязанных из гражданских репатриантов не указывалось» (на самом деле, как уже отмечено, последние входили в приведенные выше 660 тыс. человек), Комиссия А. Н. Яковлева пустилась в умозрительные подсчеты и, продемонстрировав вопиющую некомпетентность в этом вопросе, совершенно бездоказательно сделала вывод, что всего за 1945–1953 гг. через рабочие батальоны «прошло не менее 1,5 млн. советских репатриантов, бывших военнопленных и военнообязанных» (См.: Новая и новейшая история. 1996. № 2. С. 108). Эти «статистические открытия» поражают своей нелепостью и абсурдностью: спрашивается, откуда в 1947–1953 гг. могли взять для зачисления в рабочие батальоны еще 840 тыс. новых репатриантов (вдобавок к 660 тыс. зачисленным в 1945–1946 гг.), если в этот период (1947–1953) в СССР было репатриировано лишь около 60 тыс. советских граждан, из них большинство направлено к месту жительства? И каким образом в 1947–1953 гг. людей можно было зачислять в рабочие батальоны, если они к началу 1947 г. были ликвидированы и, следовательно, в этот период не существовали? Лишь на восстановлении Днепрогэса продолжал действовать один рабочий батальон, состоявший из нескольких сотен человек.

²³ Это объяснялось тем, что офицеры, направленные на 6-летнее спецпоселение, однозначно считались предателями, а на офицеров, зачисленных в рабочие батальоны НКО, такой ярлык не был навешан. Впрочем, последние в рабочих батальонах пробыли недолго. Согласно директиве Главупраформа Красной Армии № 1/737084с от 26 января 1946 г. репатриированные офицеры, зачисленные в рабочие батальоны НКО и переданные в постоянные кадры промышленности, освобождались от работ и направлялись в распоряжение отделов кадров соответствующих военных округов (ГА РФ. Ф. 9526. Оп. 4. Д. 62. Л. 225). Из того, что нам известно о их дальнейшей судьбе, можно заключить, что меньшая их часть была восстановлена на военной службе, а большая — уволена в запас (в обоих случаях — с сохранением офицерских званий).

²⁴ География их размещения (данные на 618 305 человек, прошедших через рабочие батальоны до 1 ноября 1946 г.) выглядела так: Украинская ССР — 185 337, Московская область — 54 619, Челябинская — 44 820, Свердловская — 32 738, «Дальстрой» — 31 580, Кемеровская область — 29 047, Молотовская — 28 260, Ростовская — 23 128, Сталинградская — 20 374, Тульская — 12 605, Приморский край — 11 634, Иркутская область — 10 826, Хабаровский край — 9588, Азербайджанская ССР — 9481, Ленинградская область — 9291, Башкирская АССР — 9220, Краснодарский край — 9128, Казахская ССР — 9117, Горьковская область — 6336, другие регионы — 71 176 человек (ГА РФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 667. Л. 208–209). Таким образом, эта география была весьма широкой, и поэтому нельзя согласиться с бытующим в литературе утверждением, что рабочие батальоны НКО направлялись якобы только в «отдаленные районы страны» (См., например: Семиряга М. И. Судьбы советских военнопленных // Вопросы истории. 1995. № 4. С. 32).

²⁵ Из них 42 850 — в Казахстане, 18 023 — Таджикистане, 17 831 — Молотовской области, 13 841 — Алтайском крае, 13 262 — Новосибирской области, 12 076 — Свердловской, 10 976 — Архангельской, 10 131 — Коми АССР, 9462 — Воло-

годской области, 7580 — Удмуртской АССР, 6342 — Костромской области, 5735 — Кировской, 4888 — Кемеровской, 4418 — Иркутской, 4264 — Челябинской, 3200 — Красноярском крае и 23 509 — в других регионах (ГА РФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 641. Л. 22–68).

²⁶ 1 января 1949 г. на учете спецпоселений состояли 135 319 «власовцев», из них в системе «Дальстрой» (Магадан) — 28 366, в Кемеровской области — 19 693, Молотовской — 15 355, Коми АССР — 8219, Иркутской области — 8064, Красноярском крае — 6233, Карело-Финской ССР — 5925, Таджикской ССР — 5772, Якутской АССР — 4048, Приморском крае — 3676, Амурской области — 3185, Киргизской ССР — 2974, Хабаровском крае — 2692, Читинской области — 2369, Башкирской АССР — 2263, Бурят-Монгольской АССР — 2142, Мурманской области — 1793 и в других регионах — 12 550 человек (ГА РФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 488. Л. 3–8).

²⁷ Следует внести ясность в запутанную ситуацию с последовательностью амнистии лиц, осужденных за сдачу в плен (без наличия изменнической деятельности), и власовцев и им подобных. Первые были амнистированы по Указу от 7 июля 1945 г. Тем не менее 18 сентября 1956 г. вышло весьма странное разъяснение Президиума Верховного Совета СССР о распространении Указа от 17 сентября 1955 г. на бывших военнослужащих, осужденных за сдачу в плен. По этому поводу Комиссия А. Н. Яковлева сделала вроде бы логичный, но на самом деле неверный вывод: «И только спустя год эту амнистию распространили на бывших военнопленных, которые не совершили никаких преступных действий. И их амнистировали, как и «власовцев», но только позднее» (См.: Новая и новейшая история. 1996. №2. С. 109). Однако на практике амнистировать на основании разъяснения от 18 сентября 1956 г. было некого, так как в местах лишения свободы не было такой категории заключенных. Это была чисто символическая амнистия применительно к заключенным, которых... не существовало. Чтобы избежать ошибочных суждений на этот счет, следует четко уяснить: лица, осужденные за сдачу в плен (без наличия изменнической деятельности), были амнистированы на 10 лет раньше, чем власовцы и им подобные (первые — по Указу от 7 июля 1945 г., вторые — по Указу от 17 сентября 1955 г.).